

ВРЕМЯ

Цзиди Мацзя

Время

«Гиперион»

Мацзя Ц.

Время / Ц. Мацзя — «Гиперион»,

ISBN 978-5-89332-219-4

Сборник стихов Цзиди Мацзя «Время» уникален и как редкий образец современной китайской поэзии, почти не издаваемой в России, и как пример поэтического творчества южно-китайского народа и, составляющего одну из 56 национальностей Китая. Наряду с мощным фольклорным началом стихотворения Цзиди Мацзя демонстрируют вовлеченность китайского поэта в глобальную культурную жизнь.

ISBN 978-5-89332-219-4

© Мацзя Ц.
© Гиперион

Содержание

Золотой варган и вечное пламя	5
ВРЕМЯ	12
##	13
Об авторе	14
###	16
Автопортрет	17
###	18
Скала охотников	19
##	20
Ответ	21
“#”###	22
Предвестие снов	23
####	24
Разговор ийца с огнем	25
#####	26
Исповедь варгана	27
##	28
Народная песня	29
##	30
Наизнанку	31
#####	32
Бойцовый бык	34
#####	36
Мёртвый бойцовый бык	37
#####	38
Руки матерей	40
#####	42
Чёрный поток	43
##	44
Платок	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

!

варган

Золотой варган и вечное пламя

*быть может есть солнце
за играми смыслов
свет солнца как крылья*

Для поэзии современного китайского поэта Цзиди Мацзя важен образ шамана, обращающегося к духам предков посредством «золотого варгана», мелодией, выкликающей из космоса «животворящий ген» рода. Шаман или жрец-бимо – не только мифологизированный персонаж лирического произведения, но соавтор поэта, проводник слова заклинательного, пророческого, исцеляющего. В стихотворении «Автопортрет» поэт подчёркивает родовое начало, питающее корни личности:

весь я измена
и верность
жизнь я
и смерть
Мир! прими же ответ мой
я – муж – ийского – рода

Язык, «язычок» древнего варгана помогает человеку, «мыслящему тростнику» философа Блеза Паскаля, преодолеть разлад души с природой. Глагол человека и посредника – музыкального инструмента – становится единым, внимая нотам вечности и простирая гармонию.

мир состоит из живых существей:
если тебя одолеет тоска мировая
горе земли ощутишь
наверняка знай – то я еще мыслю

«Исповедь варгана»

наследовать бимо!
туда воротиться к высокому духу
где плакать способны от нежности только

«Наследовать бимо»

Цзиди Мацзя, представитель китайского народа *и*, объединяет в своем творчестве прошлое и будущее своего этноса, являясь его вестником. Буква «и», символизируя в русском языке объединение понятий и пространств, в то же время – ослепительное зияние между миром ушедших и ещё не рождённых, шаткий мостик перехода над пропастью без звуков. «И» – некое свидетельство об истине: «он точно жил и правда умер».

Российскому читателю практически неизвестна современная китайская поэзия, которая, как и китайская культура, издавна притягивает русского человека. Известно, что А. С. Пушкин

живо интересовался Китаем и знакомился с исследованиями о Поднебесной. Поэтом в России, чувствовавшим душу Азии – вопреки культурной среде Серебряного века, ориентированной на «европейскую» традицию – был Велимир Хлебников. Думается, отечественному ценителю поэзии было бы интересно отметить своеобразную переключку стихов русской классики с поэзией китайского автора.

Сборник Цзиди Мацзя выходит на трёх языках – китайском, русском и английском – что не случайно. Творчество поэта объединяет культурные пространства, не замыкаясь на национальном колорите, напротив – «песней ийца» объединившись во всемирном диалоге с литературой, религиями и знаниями иных времён и народов.

предки до нас сотворили нам тысячи солнц
глядя на золото крыльев стрекоз невесомых
что поднялись над прародиной каждой из рас

Солнце, дарующее жизнь и испепеляющее души – это античный амбивалентный образ, оно же ладья, провожающая в царство мёртвых и встречающая новорождённых, его двойник – пламя в глубине скал.

неважно богач или бедный – любого
готов ты во имя нетленной души
облечь в одеяния вечности

«Разговор ийца с огнём»

Поэт описывает трагическое и столь знакомое нам в России – ещё по лирике Сергея Есенина – разобщение города и деревни, Природы и цивилизации, призывая «вернуться дорогой предков» к истокам.

твой конь
устало топчется
в тени цивилизации
которая вот-вот
совсем его проглотит

«Цыган»

Технократическая современность приносит одиночество и разобщение, захватывает горизонтальные просторы, однако ничего не может поделаться с вертикалью – скалами, хранительницами духа. Мелодия зовёт в горы – только они одни служат духу в своей строгости.

то дух свободы
хранитель народа
ийцы в объятых его
грезят о звёздной пыли
забывают о лязге железном

«Силуэт в скалах»

не будь гор Ляншаня не будь моего народа
меня как поэта и не было бы никогда

«Моё желание»

Кто знает, возможно, по сходной причине русских поэтов всегда так тянуло на роковой для них Кавказ?

Чувствовать всю природу, и живую и условно мёртвую, как единый организм – значит в полной мере сострадать ей. «Человека можно уничтожить, но его нельзя победить», – этот эпиграф из повести «Старик и море» Э. Хемингуэя взят поэтом для стихотворения «Бойцовый бык».

стоит он вон там
всё стоит и стоит на закате
приоткрывает оставшийся глаз иногда
видит землю-арену бывшего
и горестным рёвом ревёт
оттого его тело
и шкура иссохли
стали огненным шаром
и бешено там пламенеют

Необходимость ощущать боль мёртвых, живых и не рождённых в едином нерве стиха – вот о чем проговаривается поэт в «Оде боли»:

боль, наконец тебя нашёл
отныне я не замечаю
цветы у ног и боль шипов
боль, для меня ты не случайна
тебя я избираю сам

Перешагнувший через боль физическую и боль от страха, обретает бессмертие. Это не умозрительная метафизика. Стремление к счастью и гармонии – вот идеал для человека. Мы соотнесим проблематику строк современного автора с драматическим повествованием в пушкинском «Моцарте и Сальери»:

его возненавидели за то лишь
что в жизни разувериться не смог
и в чёрную годину волю славил
лишь в том винули
что писал навзрыд
и яростными строчками платил
дань родине и своему народу

«Противникам Сальваторе Квазимодо»

Поэзии Цзиди Мацзя, говоря словами Ф. М. Достоевского, в полной мере свойственна всемирная отзывчивость. «За всех расплачусь, за всех расплачусь», – писал советский поэт Владимир Маяковский. Нервные окончания стихов китайского поэта проходят сквозь бумагу, оставаясь в стройных знаках иероглифов, похожих на лес и горы в традиционных картинах китайских мастеров живописи.

Ощущение уникальности собственного народа даёт поэту и человеку возможность проникать в иные культуры. Цзиди Мацзя знакомит нас с церемониальным погребальным обрядом, где явлена мудрость не истончаемой связи поколений:

По обычаю ийцев, если умирает
мать семейства, её
кремируют лежащей на правом боку.
Считается, что в мире
духов левая рука ей ещё понадобится,
чтобы пряхть.

«Руки матерей»

Поэзия Цзиди Мацзя несёт яркое мужское начало, воспевая верную женственность, метафорически преобразая действительность и преподнося то виденье мира, которое зачастую сокрыто от живущих сиюминутными страстями.

Стихотворение «Надпись в альбом» обращено к памяти о женщине, стремящейся к созиданию и не сломленной:

её имя —
Цзикэ Цзинсымо
и в последних словах её было:
Милый, нужно любить...

И вот строки из оды, посвящённой няне-китаянке:

осиротел этот свет не утратой
обычной простой женщины
подлинно знавшей страданье и горе и скорби
но в Даляншане щемяще беззвучной зарей
истинный сын её иец заплачет о ней
пусть в целом мире услышат рыдания горечь

Подобное настойчивое обращение к воспоминаниям детства, прапамяти рода было свойственно Владимиру Набокову, умевшему, по его словам, «заклинать и оживлять былое» («Другие берега»). Муза Памяти осеняет творчество современного китайского поэта. Обращаясь к стиху как к близкому другу, он выкликает душу народной поэзии, чьи корни питают современного поэта-варганиста:

соседи в округе затихли-уснули
только мой стих не вернётся
ночь напролёт жду его у ворот

«Народная песня»

о, море времени!
откроешь ли ты мне
где тени смертных обрели забвеньё?

«Письмо»

Люди и звери вечно едины – «для эмпирей тотемы рождены» – в заклинании духов стихий звуком осмысляемым и ещё нами не разгаданным, скрывающимся за первозданной немотой:

давай идти со зверем диким
участвовать в мистерии предвечной
не бойся ты ни голубых баранов
косуль не бойся ты и леопардов
они все только сыновья тумана
что исчезают тихо на закате
не разрушай той вечной тишины
что всюду здесь дыханьем духов полна
здесь предки мёртвые со всех сторон сойдутся
пугаясь тени каждой невесомой
замедли ты шаги и осторожней
по зелени ступай – то взор судьбы
в секунды эти в полной тишине
услышать можно тон иного мира

«Боги моей родины»

Мотив не проявленного, потустороннего мира у китайского поэта тесно связан с темой предков и духов животных. «Нет в мире разных душ и времени в нём нет», – писал в стихах Иван Бунин. «Здесь не я умирал – тот иной тоже я» («Наизнанку»), – говорит Цзиди Мацзя. Неперсонифицированные божества лирики поэта, где присутствует «Человек-невидимка», обволакивают душу сказочным миром:

тени длинные сплелись
потеряв друг друга
когда ночь опустится
отворяю я двери
в небо тихое гляжу
на устах трепещет
что-то несказанное

«Ощущения»

Не правда ли, здесь можно разглядеть схожесть со стихотворением Фёдора Тютчева «Тени сизые смешались, цвет поблекнул, звук уснул...», где в полной мере выражено пантеистическое мировоззрение? Но отчего вдруг современный поэт называет своё существование едва ли не безысходным, а приходящие извне звуки – «Чёрной рапсодией»? Быть может, от осознания того, что трагедию и красоту мира невозможно искупить звуками? Вглядываясь в бездну, его лирический герой различает в хаосе не только светлое наследие прошлого, но и пугающее иное, стремясь ещё раз запечатлеть человеческое имя, когда вдруг «...в чуждом, неразгаданном, ночном. Он узнаёт наследье роковое» (Фёдор Тютчев), пред чем немеют уста:

о чёрный сон, укрой и защити
позволь пропасть в любви тебя ласкавших
дай превратиться в воздух или луч
позволь стать камнем, ртутью, бирючиной
пускай железом стану или медью

слюдой или асбестом или в светлый фосфор
я превращусь – о чёрный сон!
глотай меня скорее раствори
дай сгинуть в милости твоей защиты
вели мне стать и лугом и скотиной
косулей или жаворонком или быть рыбиной
огнивом или всадником
варганом стать, мабу и касечжуром
о, чёрный сон, как стану пропадать
прошу сыграй на цине грусть со смертью
Цзиди Мацзя – мне горестное имя

«Чёрная рапсодия»

Переводчик Дмитрий Дерепя вослед поэту взыскует «потаённого слова» для точного, полнокровного перевода, и мне кажется, что, благодаря его труду, первозданные мелодия и мысль поэта во многом доходят до нас. Метафора делает образы зримыми, создаёт динамичные драматические картины:

в кровати замерла
вдова притихшей кошкой

«Ночи»

искомое слово моё
как камень мерцает в звездном убранстве
и прямо за ним
пророка глаза
замкнули летучие тени
искомое слово моё
огнем сон жреца опаляет
под силу ему будить мёртвых
провидеть всех тварей начало
мне нужно сыскать
потаённое слово
у горцев оно
в родной речи младенцу
сияет как символ надежды

«Потаённое слово»

Поэзия Цзиди Мацзя несёт подлинный гуманизм, потому что нелёгкие ответы на проклятые вопросы времени поэт ищет прежде всего внутри себя, пытая душу за поступки, совершенные другими.

да, век двадцатый
лишь честно тебя оглядев
я понимаю как много загадок
в твоей неизбежности
все же вчера прояснил ты
что будет завтра и кажешься схожим

с обронённым богом с небес
обоюдоострым мечом

Художественный мир Цзиди Мацзя олицетворяется образом шамана, передающего наследие певца-варганиста из рода в род. Голоса природы, предков и современников, преумноженные культурным наследием – всё это составляет неповторимый голос поэта, его пленительное своеобразие в мировой поэтической традиции.

Мелодия природы и мира призывает Память ради продолжения жизни.

звук мира исчезает навсегда
пророчат глаза осени нам жажду
искать найти и верить в то что жизнь
любовью лишь и красотой спасётся

«Глаза осени»

*Алексей Филимонов, член Союза писателей России,
Санкт-Петербург*

ВРЕМЯ

时间

##

#####1961### #####1982#####

#####(##)###
#####1994# #####
###2006#5#22##### #2006#10#9#####
##2012#5###20#####2007#####“###”#####

##

Об авторе

Известный китайский поэт, писатель и каллиграф Цзиди Мацзя является представителем народа *и*. Он родился в 1961 г. в горном районе Даляншань провинции Сычуань, а в 1982 г. окончил факультет китайской филологии Юго-западного университета национальностей. В настоящее время Цзиди Мацзя является членом секретариата Союза китайских писателей, вице-губернатором провинции Цинхай, а также входит в бюро провинциального комитета Коммунистической партии, является главой его отдела пропаганды. Одновременно Цзиди Мацзя возглавляет Союз писателей национальных меньшинств Китая и является советником Китайского поэтического общества.

Цзиди Мацзя не только известный и яркий представитель поэзии национальных меньшинств Китая, он еще и пользуется известностью на международной арене. Количество его поэтических сборников, выпущенных в Китае и за рубежом, превышает двадцать. Он неоднократно удостоивался китайских общенациональных литературных премий и наград международных организаций. В частности, его сборник «Песнь первой любви» удостоился премии третьего Всекитайского поэтического конкурса, а сборник «Автопортрет и прочее» получил высшую премию на втором Всекитайском конкурсе поэзии национальных меньшинств. Сборнику «Двенадцать стихотворений Цзиди Мацзя» была присуждена Литературная премия провинции Сычуань. Сборник «Мечты ийца» получил поэтическую премию на Всекитайском конкурсе литературы национальных меньшинств и премию имени Чжуан Чжунвэня. 22 мая 2006 г. Союз писателей России наградил Цзиди Мацзя памятной медалью имени М. А. Шолохова и дипломом, а 9 октября 2006 г. болгарский Союз писателей отметил его выдающийся вклад в поэзию специальным дипломом. В мае 2012 г. Цзиди Мацзя получил почётный диплом 20-го поэтического конкурса имени Жоу Гана. В 2007 г. Цзиди Мацзя учредил Международный поэтический фестиваль озера Цинхай, стал председателем его оргкомитета и председателем жюри международной поэтической премии «Золотая антилопа». Кроме того, сборники его стихов были переведены на английский, французский, испанский, чешский, сербский, корейский, польский, немецкий языки и изданы более чем в десяти странах. Цзиди Мацзя неоднократно возглавлял делегации Союза китайских писателей и китайской молодежи, участвующие в международных мероприятиях.

Автопортрет

Тихонько беседовал ветер с ребёнком в горах, к утру упорхнул, его сказка вдали ожидала. «Оставь своё имя, родимый, на этой земле, лишь так сумеешь достойно её покинуть».

надпись на полях

знак ийцев мою жизнь сполна вмещает
младенчество и материнство вкупе
мне имя горестно и
мне имя прекрасно
мне имя моё дарует надежду -
под сердцем обитала моя песня
давным-давно у пряжи народилась
во имя моего
отца простого
муж среди мужей
Чжися Алу
ни на день матушка не постареет
поющая свой край
потоком полным
возлюбленная вечная моя
красавиц затмевает красотою
её все называют Сяма Аню
тысячу раз умирая мужчиной
вернулся лицом на восток
тысячу раз умирая женою
вернулась я взором на запад
тысячное погребение справив
любовью друзей воскресаю
в тысячный раз под курганом покоясь
в родовых муках являюсь
себя без остатка вверяю
века напролёт пребывая
мучимый добром и пороком
столетья подряд существую
потомком любви и мечты
союз сохраню нерушимый
единожды обручившись
грядущим векам не сдаваясь
весь я измена
и верность
жизнь я
и смерть
Мир! прими же ответ мой
я – муж – ийского – рода

###

#####

#####

#####

Скала охотников

с незапамятных времён
гор хребёт изломан
у подножия провал
вскрылся вглубь зонтом
оттого сторожевой здесь огонь горит

пламя всей вселенной в нём
стонет и рокочет
оба мира песню ту
знают испокон
сонмы звёзд внутри него
млечный путь им вторит
аромат жаркого сдобрен
соусом историй
двери настезь в них раскрыты
в окнах тайный сумрак
мышь летучая кузнечик светлячки и пташки
всем достаточно в них места
полог ливня струнный
увлажняет вереницы снов воспоминаний
белым шитая узором занавеска
укрывает снежно блещущие строфы
на тропинке каменистой след неточен
будто в памяти укрылся и расплывчат
тонкой струйкою огарок орхидеи
от рассвета до заката
много-много долгих вёсен
если больше не вернётся на огни он

их маяк тогда угаснет сизовея
сын-охотник возмужает и ему наверно
хватит храбрости огонь раздуть сильнее

##

####

#####¹#####

#####

####

#####

#####

(#####)

####

#####

#####

####

#####

#####

(#####)

¹ #####

Ответ

помнишь тропинку

по Цзилэ-бутэ²

в сумерках медоточивых

она говорила:

когда вышивала иглу потеряла

поможешь сыскать..?

(я обшарил тогда всю тропу)

помнишь тропинку

ту в Цзилэ-бутэ?

в медоточивых сумерках

ей отвечал я так:

по-твоему в сердце моём

засела иголка твоя..?

(она плакала горько потом)

² Цзилэ-бутэ – местечко в Ляншане, районе проживания народа И.

Предвестие снов

если бы лес был сладостным морем
глубоко его бороздили бы волны
ища передышки у берега
лачуга на ялик похожа
на юге у леса канаты стянула потуже
на севере по-над равниной села прочней
на якоре крепко стоит точно в устье широком
дремлет собака свернулась по кромке порога
вопрос очертила во тьме – без ответа не пустит
тепло очага бережёт от прохлады ночной
он засыпает среди детским запахом сытым
и женских волос ароматом
окутанной тёплой лачуги
граница его сновиденья затейливо вьётся
бежит ручейком по кудрям на макушке петляет
пугливую ланью сторонится утра
хрупка и изящна в лучах исчезает

он следом спешит накиннув на плечи
листву золотую осеней долгих
не смеет стрелять замороженный танцем
не смеет дышать очарован красою нагорья
душа вырывается в танец уже – но жена
уснула на левом плече
а справа сынишка – вот эти
два малые устья его лишь истоками живы
и лишь по ночам ему чудится ветер в ушах
походкою лёгкой как прежде охотиться вышел
мелодии леса в ночной серенаде свиваясь
безмерной печалью ко лбу прикасались его

Разговор ийца с огнем

даровал нам и кровь ты и землю
твой век бесконечно длиннее людского
даровал нам прозрение и утешение
во тьме показал ты потомкам обличие дедов
даришь тепло и в тебе утешение жизни
с тобой милосердие и добродетель познали
ты бережёшь нашу самость
от злобы и гнева чужого
ты – и табу и влечение, мечта неотступная – ты
даруешь ты нам безграничную радость
с тобой мы готовы до исступления петь
когда покидаем сей мир
ты скорби своей не покажешь
неважно богач или бедный – любого
готов ты во имя нетленной души
облечь в одеяния вечности

#####

#####

#####

Исповедь варгана

варган я
висел у неё на груди
с нежных девичьих лет
до одиноких дней старости
варган я
обязан во сне
альков её сердца хранить
ей лишь подвластен
горести все и восторги
во тьму изливал
я варган
неминуемо с этим
миром простится она
с нёю рядом останусь
и безоглядно навеки
сгину в грязи ледяной под чужим каблуком

только братишка... в полночи чёрной как смоль
если тебя одолеет тоска мировая
горе земли ощутишь
наверняка знай – то я ещё мыслю

##

####

#####

Народная песня

с ярмарки все разошлись по домам
только мой стих не воротись
люди его примечали
с золочёным варганом у пояса
в сумерках между рядами
шатко бродил он понурый
пьян от вина

овцы со склонов собрались в загоны
только мой стих не вернулся
баран-вожак его видел
солнце низёхонько было
вперившись в гор кровотоки
глазами он плакал сухими
бедолага в тоске одинокой
соседи в округе затихли-уснули
только мой стих не вернётся
ночь напролёт жду его у ворот —
покинутость разве забудешь такую?!

##

#####

#####

#####

#####

#####

#####

#####

#####

#####

#####

#####

#####

#####

#####

#####

#####

#####

#####

Наизнанку

цели нет у меня

вдруг беду упредить
поднялось за спиной моей солнце

я гляжу на иного себя
в ночь одет и во времени тонет моя
голова тенью горькой сокрыта
вижу руки мои не со мною уже
из провалов землистых во тьме
кверху тянутся обе цветком костяным
племенам что обрядами предков зовут
я готов помогать в мире том

вижу стены что солнце нещадно палит
но уместные речи по горло в вине
гул ритмичен в руно обрядился шаман
песню жалит внезапно язык огневой
не найдя под ногами твердыню земли

здесь не я умирал – тот иной тоже я
обратился всё дальше уходит прочь от меня

#####

Бойцовый бык

первая из историй о бое быков в Лянишане

вон он стоит
в лучах заходящего солнца
стоит еле дышит
усталую голову свесив
глыбою-тушей похож
на изъеденный морем
риф
рога перебитые будто
шакальи гнилые клыки
вон он стоит
стоит на закате
глаз свой прищурил
который остался
плевать что роятся
вокруг головы тучей мухи
пусть оводов наглых
на морде пылающей рой
хозяин его непонятно куда подевался
вон там он стоит
всё стоит он в вечерних лучах
он помнит наверно что был и сильней и моложе
и утро он помнит перед Праздником фонарей

точно услышит удары рогов своих снова
точно услышит свой рёв эхом в дальних горах
точно арены пьянящее пекло вернулось
мощно дыхание влажное как и всегда
словно прилив необузданной мощи почувал
что поднимается к небу от чёрной земли
будто по жилам
несётся горячая кровь
в каждой шерстинке стальная упругая сила
публики радостной точно послышался рёв
на опалённой полуденным солнцем поляне
как золотых оленят вереница вприпрыжку
рады резвиться и бегать без усталости день
видит он будто ведёт его юный хозяин
красные ленты спадают с его головы
а высоко-высоко на горном перевале
солнце рогов острия подпирают почти
красное точно пролитая только что кровь

стоит он вон там

всё стоит и стоит на закате
приоткрывает оставшийся глаз иногда
видит землю-арену былого
и горестным рёвом ревёт
оттого его тело
и шкура иссохли
стали огненным шаром
и бешено там пламенеют

#####

#####

#####

- #####

#####

#####

#####

#####

#####

#####

#####

#####

#####

#####

#####

#####

#####

#####

#####

#####

#####

#####

#####

#####

#####

#####

#####

#####

#####

#####

#####

#####

#####

Мёртвый бойцовый бык

вторая история о бое быков в Лянишане

Человека можно уничтожить, но его нельзя победить.

Эрнест Хемингуэй

ночью глубокой
крепко все спали
беспомощный в загоне он лежал
высмотреть силился
смерть через веки прикрытые
взором унылым безвольным

вдруг будто слышит
вдали на поляне
на старой арене
поджидает соперник сильный
и надменный бросает вызов
выкрикивая его имя давно позабытое
смеётся над ним оскорбляет и грязно поносит
мигом свирепые силы
как в нём возгораются
бешено мчится знакомой дорогой
в поле навстречу призыву
слышно как рушит заборы
слышно как деревца подогнулись
слышно как сокрушаются камни
слышно как рвётся земля
после восхода
в дымке туманной
нашли быка мёртвым
на старой арене
накрепко в землю рогами
израненный боем
и взор опьянённый
триумфом последним

#####

Руки матерей

По обычаю ийцев, если умирает мать семейства, её кремируют лежащей на правом боку. Считается, что в мире духов левая рука ей ещё понадобится, чтобы прясть.

надпись на полях

как она потихоньку уснёт на правом боку
и сон станет длинной-предлинной рекою
и сон будет долгой-далёкою горной грядой
многие видели
спит она там
горцы юные знают её
как русалочку на берегу
где не сыщешь волнений морских
когда-то с земли отступала большая вода
за нею вздымались громады молчащие скал
с тех пор дошла древняя песня о той
которая тянется к чистому месяцу в небе
чтобы на правом боку потихоньку уснуть
когда ветер свежий чист
когда дождик мелкий быстр
пусть скроет лёгкий прозрачный туман
пусть белое облако пеной своей облачит
неважно будь то в тишине на рассвете
или чарующих сумерек это причуды
когда всё кругом ледяными скульптурами станет
рукой она левой не прекратит тянуть пряжу
под кожей её будет вечно теплиться жизнь
а в жилах её будет вечно бежать кровь
чтоб так же на правом боку потихоньку уснуть
сколько всего похожего на русалок
сколько всего точно месяца светлый изгиб
сколько всего словно камень безмолвного
спит она между землёю и небом
спит она выше смерти и жизни
как прежде подле неё текут реки
как прежде подле неё растут леса
как прежде подле неё стоят горы
так народ мой страдавший он всё-таки счастлив
как прежде печалится плачет и песни поёт

чтоб так же на правом боку потихоньку уснуть
всему в этом мире однажды настанет конец но
в океане безбрежном небесном
в бессмертной памяти человека
рука её левая будет прясть тонкую пряжу

такую же нежной прекрасной свободой своей

#####

(#####
#####

#####

#####

(#####
#####

Чёрный поток

Знаю обряд погребальный,
знаю что ийцам ушедшим горами курганы.
(Над чернеющим горным потоком
глаза человека пылают огнём золотым.)

Вижу, что люди в долину беззвучно стекают,
вижу потоки что зыбятся рябью унылой.
Безмолвно минует течение жизни пороги,
безмолвно оставит мир полный чудных красот.

Вижу потоки людей, что сливаются в море,
волны мертвы и тотемы наследством от предков
под небом теснятся.
Вижу там каждого – их одурманены души,
рок неизбежный среди первобытных красот.
Вижу умерших – спокойные каменные лица,
тысячи рук их ободрят, им песни поются.

Знаю обряд погребальный,
знаю что ийцам ушедшим горами курганы.
(Над чернеющим горным потоком
глаза человека пылают огнём золотым.)

#####

Платок

влюблённый подарил
платок любимой
ей повезло
коль искренне желала
замужества по истинной любви

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.